

РУССКИЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СПЕЦИФИКЕ БЫТОВАНИЯ
ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА В НЕОБРЯДОВОЙ СИТУАЦИИ

RUSSIAN WEDDING SPEECHES:
SOME REMARKS ABOUT SPECIFICITY OF EXISTENCE
OF THE CEREMONIAL TEXT IN NOT CEREMONIAL SITUATION

ЮЛИЯ КРАШЕНИННИКОВА

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of situating and performing ceremonial texts in non-ceremonial situations and is based on material from wedding speeches made in 1986–2006 in the local tradition of the Vilegodsky district in the Arkhangelsk region. An analysis of texts from the ceremonial genre performed in non-ceremonial situations allows the description of some mechanisms by which a folklore work in different speech situations is born, as well as masterly performance and strategies used by grooms in wedding speeches at the collector's request (in situations "outside the ceremony"). It enables us to speak about text commonality in repeat performances, and also the correlation of collective and individual, traditional and improvisational in ceremonial texts learned and performed in various situations. Comparing the records of wedding speeches divided into different temporary intervals provides an informative and productive discussion of the problem of specifics in folklore memory and the competence of the performer, mechanisms for memorizing, reproducing, and also the peculiarities of texts with a tendency towards improvisation.

Юлия Крашенинникова, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар – Россия, krasheninnikova@rambler.ru

Настоящая работа посвящена проблеме фиксации и исполнения текстов обрядового жанра в необрядовой ситуации. Она связана с описанием механизмов „рождения“ фольклорного произведения в разных речевых ситуациях, исполнительских стратегий при декламировании говорных обрядовых жанров по просьбе собирателя, т. е. „вне обряда“, а также соотношения коллективного и индивидуального, традиционного и импровизационного в обрядовых фольклорных текстах, усвоенных и исполненных в различных ситуациях.

Проблема влияния ситуации на исполнителя и создаваемый им в процессе исполнения фольклорный текст, выявления степени и характера преобладания вербальной / невербальной составляющей

рассматривалась на разных жанрах П.Г. Богатыревым¹, К.В. Чистовым², В.М. Гацаком³, А.Ю. Брицкой⁴, Ю.А. Крашенинниковой⁵ и др. Объектом внимания исследователей становились эпические произведения, похоронно-поминальные причитания, сказочная проза, суеверные рассказы; т. е. жанры, которые по своей жанровой природе или „более чувствительны к ситуации“, поскольку не обладают четкой структурой⁶, или имеют в своем репертуаре фонд поэтических формул, типизированных описаний, клише, наполняющих и „конструирующих“ поэтическую ткань фольклорного произведения под влиянием ситуации.

Опираясь на многие положительные наблюдения, накопленные фольклористами на сегодняшний день по обозначенной проблеме, мы обратим внимание на проблему исполнения обрядовых текстов в обрядовой ситуации на примере одного из жанров русского свадебного обряда — приговоров дружек. Чин свадебного дружки в обряде разных локальных традиций России (функции и их генезис, атрибуты и пр.) рассматривается в работах многих исследователей⁷. В обряде дружка выполняет функции представителя жениха, посредника между родом жениха и родом невесты, церемониймейстера или распоряд-

¹ П.Г. Богатырев, *Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений*, [в:] его же, *Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)*, Москва 2006, с. 218–228.

² Обзор работ К.В. Чистова, связанных с проблемой аутентичности записей похоронных причитаний, исполненных во время обряда и вне его, т. е. по просьбе собирателя, сделан М.Д. Алексеевским (М.Д. Алексеевский, *Проблемы фиксации похоронно-поминальной плачевой традиции (К.В. Чистов и вопрос об аутентичности записей причитаний)*, [в:] *Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К.В. Чистова. Сборник научных статей*, Санкт-Петербург 2011, с. 243–250).

³ В.М. Гацак, *Устная эпическая традиция во времени*, Москва 1989.

⁴ А.Ю. Брицкая, „Интенсивный опрос традиции“ и некоторые аспекты текстологии прозаических нарративов, [в:] *Этнопоэтика и традиция. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака*, Москва 2004, с. 93–104; ее же, *Фиксации повторных исполнений и некоторые аспекты теории традиции*, [в:] *Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов*, т. II, Москва 2006, с. 42–52; О.Ю. Брицина, *Українська усна традиційна проза: питання текстології та виконавства*, Київ 2006.

⁵ Ю.А. Крашенинникова, *Устные рассказы о заблудившихся в лесу в свете работы П.Г. Богатырева „Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений“ (на материалах нач. XXI в.)*, [в:] *Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов*, Москва 2015, с. 199–210.

⁶ П.Г. Богатырев, *Роль ситуации...*, указ. соч., с. 219.

⁷ К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет привести весьма обширный перечень известных нам работ.

дителя свадебного действия, знахаря, балагура и шутника⁸. Главенствующая роль этого свадебного чина в севернорусской свадьбе подчеркивается большим количеством разного рода характеристик, деталей, атрибутов, на уровне народных дефиниций, наименований дружки и его помощника⁹.

В принятой в научной литературе номинации жанра — *свадебные приговоры* — закреплены такие показатели, как обрядовая приуроченность (исполнение на свадьбе) и отчасти указание на манеру произнесения, исполнения текстов — слова, которые приговаривают, сопровождают какое-либо действие. Приговоры регулируют „движение“ обряда, организуют и комментируют действия персонажей, при этом можно говорить о разных типах соотношения текста и обрядовых действий: „проговаривание“ ритуала „наперед“, синхронное следование текста и действий, чередование действий и текста, „объяснение“ выполненных действий с помощью текста. Помимо того, что дружка организует некоторые этапы обряда, он также формирует ответную реакцию и должен реагировать на изменения, которые привносятся другими участниками.

Свадебные приговоры являются говорным жанром¹⁰; это по преимуществу индивидуальный жанр, что позволяет ему в большей степени, чем коллективным жанровым формам, допускать импровизацию и новации в текстах. В числе определяющих черт жанрового своеобразия свадебных приговоров исследователи называют их „нароचितую установку на импровизацию“¹¹, т. е. установку на „создание текста в процессе его исполнения“¹². Многочисленные дефиниции свадебных приговоров, зафиксированные в научной, очерковой литературе, архивных, экспедиционных материалах XIX — нач. XXI в., содержат информацию о таких свойствах жанра, как типологическое сходство с другими жанрами, функциональная приуроченность того или иного текста к определенному этапу обряда, используемый в ритуаль-

⁸ Одним из первых основные функции дружки обозначил Д.К. Зеленин: Д.К. Зеленин, *Свадебные приговоры Вятской губернии*, Вятка 1904, с. 1-13.

⁹ Об этом, в частности, см.: Ю.А. Крашенинникова, *Дружка в севернорусской свадьбе: о некоторых условиях выбора и атрибутах*, „Народна творчість та етнографія“ 2007, № 2, с. 30-37.

¹⁰ Термин, предложенный Г.А. Левинтоном (Г.А. Левинтон, *Замечания о жанровом пространстве русского фольклора*, [в:] *Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой*, Санкт-Петербург 1998, с. 65-66); см. также мнение Б.Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся (указ. соч., с. 65, сн. 24).

¹¹ К.В. Чистов, *Вариативность как проблема теории фольклора*, [в:] его же, *Народные традиции и фольклор. Очерки теории*, Ленинград 1986, с. 132.

¹² Там же.

ном акте атрибут¹³. Наши наблюдения над свадебными приговорами позволяют заключить, что этот жанр в русской фольклорной традиции активно развивался не только за счет своих внутренних ресурсов, но также за счет других жанров (и не только свадебного обряда). Некоторые результаты наших исследований относительно „использования” приговорами заговорно-заклинательного репертуара, сюжетов и фрагментов произведений наивной и профессиональной поэзии, лубочной литературы, духовных стихов и пр. мы приводили ранее¹⁴.

Наши наблюдения базируются на разновременных записях 1986–2006 годов, сделанных преимущественно автором в локальной традиции Русского Севера – Вилегодском районе Архангельской области от информантов: 1. принимавших участие в обряде в качестве друзей (1960–1970-е гг.), 2. наблюдавших приговоры в реальном обрядовом исполнении, 3. усвоивших тексты в ситуации „вне обряда” от односельчан, которые когда-то исполняли роль дружки на свадьбе. В работе представлены некоторые результаты сопоставления повторных исполнений текстов свадебных приговоров, разделенных временными промежутками от нескольких часов до нескольких лет.

*

В нашем корпусе представлены по преимуществу записи, состоящие из нескольких текстов приговоров, которые в реальной обрядовой ситуации могли исполняться в разные этапы обряда. Вне обряда информанты на просьбу собирателя (прочитать, что говорил дружка) произносят включающий несколько приговоров текст, формальными признаками разделения которого являются разные по степени распространенности комментарии, сделанные исполнителями в ходе декламирования, а также собственно содержание конкретных фрагментов.

¹³ Подробно о народной терминологии: Ю.А. Крашенинникова, *Свадебные приговоры в свете народной терминологии*, „Традиционная культура: научный альманах” 2011, № 3, с. 70–80.

¹⁴ Ю.А. Крашенинникова, *Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры – заговоры)*, „Традиционная культура: научный альманах” 2009, № 1, с. 29–39; ее же, *Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии)*, [в:] *От Конгресса к Конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов*, т. 1, Москва 2010, с. 195–208; ее же, *Литературные и лубочные произведения в текстах русского свадебного обряда*, [в:] *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции*, Москва 2013, с. 247–260; ее же, „Адская газета” в русских свадебных приговорах, [в:] *Rosja w dialogu kultur*, red. B. Żejmo, t. 2, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 2015, с. 469–480; ее же, *О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девишек „на свадебное деревце”)*, „Традиционная культура: научный альманах” 2015, № 3, с. 149–163.

Сопоставление таких, условно назовем их „сводными“, текстов из одной локальной традиции показывает следующее. Отметим слабое композиционное варьирование записей (одного исполнителя, пары „учитель – ученик“, в непрямых повторных фиксациях), разделенных разными временными промежутками. Сравнение текстов разных информантов одной локальной традиции показывает, что порядок следования приговоров в записях однообразен, отступления в нем встречаются крайне редко. Знание информантом последовательности ритуальных актов определяет порядок следования приговоров в записи, необходимость включения того или иного фрагмента в текст. Большой „жизнестойкостью“ в традиции и памяти информантов обладают тексты, регулирующие „движение“ обряда, перемещения и действия персонажей, организующие и комментирующие разные этапы свадьбы. Такая устойчивость объясняется включенностью приговоров в обряд, „сценарий“ которого поддерживает фольклорное знание, другими словами, принадлежностью жанра двум системам – фольклору и ритуалу¹⁵, т. е. обрядовый „контекст“ является одним из стабилизаторов сохранения текстов в памяти информантов.

Способностью „удерживать“ тексты в традиции обладает, на наш взгляд, рифма, усиление которой регистрируется в более поздних по времени фиксации поэтических образцов приговоров¹⁶. Поскольку процесс сворачивания обряда не способствовал сохранности поэтических текстов, рифма, как нам думается, выступала в качестве одного из тех стабилизаторов, которые оказывают влияние на „удержание“ текста в памяти информантов, а насыщение текста рифмой, таким образом, препятствует его забыванию.

Сопоставление повторных записей демонстрирует изменения поэтической фактуры текстов, в частности обеднение содержательного плана тех приговоров, которые передают состояние окружающей обстановки, описывают эмоциональную реакцию героев, содержат „портретные“ характеристики персонажей ритуала и пр. Информанты, чувствующие специфику жанра, для заполнения лакун в приговорах привлекают другие жанры (преимущественно свадебного обряда, а также те, в которых реализуется свадебная тематика)¹⁷.

¹⁵ А.К. Б а й б у р и н, *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*, Санкт-Петербург 1993, с. 210.

¹⁶ В частности, М.Б. Плеханова отмечает насыщенность рифмой более поздних по времени записи образцов свадебных приговоров и совсем малую долю рифмы в образцах архаических (М.Б. П л ю х а н о в а, *Проблема пародийности рифмы*, [в:] *Тыняновский сборник: вторые Тыняновские чтения*, Рига 1986, с. 251–252).

¹⁷ В частности, для создания образов жениха и невесты используются стилистика и репертуар исполняющихся на свадьбе величальных и корильных песен,

При сравнении повторных записей одного информанта отмечено отчетливое стремление к стереотипии формульных и неформульных фрагментов, крайне малый уровень вариативности текстов. Разночтения наблюдаются в мельчайшем текстологическом слое (окончания слов, употребление союзов, частиц и др.). Проще говоря, зачастую мы сталкивались с ситуацией, когда информанты, которые усвоили текст вне обряда, старались рассказать заученный текст, не допуская импровизации. Фиксируется слой так называемых стереотипных строк, повторяющихся из записи в запись, зачастую совпадающих и текстуально, и позиционно. Стремление к стереотипии наблюдается в контекстных и комментирующих высказываниях, которые содержат информацию о „движении” ритуала, объяснение необходимости произнесения того или иного текста и пр. Совпадения регистрируются в области невербальных средств выразительности: в эмоциональной (смех) и интонационной (паузы, повышение и понижение интонации) сферах¹⁸.

Выделяется перечень текстообразующих опорных слов и сочетаний — текстовых стабилизаторов¹⁹. Появление такого стабилизатора („ехали-попоехали”, „подворотенка пола”, „куний след”, „волок”, „ростань” и др.) провоцирует исполнителя „развернуть” известные ему тексты. Вероятно, можно говорить о существовании разных „списков” таких стабилизаторов, например, одной локальной традиции, жанра,

песенно-игрового фольклора, например: в приговоре у жениха *„Шапка у него соболина, // Кафтан у него шелковый, // Сапоги у него сафьяновые...”* (Зап. Ю.А. Крашенинникова 25.05.2004 г. от Лобановой А.И., 1923 г. р., с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми [Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (далее: ИЯЛИ): АФ 1542-26]), в свадебной величальной песне жениху *„...Шапка на нем преклони голова, // Шуба на нем сорока соболей, // Сапожки на нем сафьяновые...”* (Зап. Ю.А. Крашенинникова 29.06.1996 г. от Губкиной З.А., 1914 г. р., д. Залесье Вилегодского р-на Архангельской обл. [ИЯЛИ: АФ 1701-65]); невеста в приговоре *„...и ткаха, и пряха, // И шелковица, и полушелковица, // И вина вам красного нальет, // И рюмочку поднесет, // И песенку сплет...”* (Зап. Ю.А. Крашенинникова 25.05.2004 г. от Лобановой А.И., 1923 г. р., с. Лойма Прилузского р-на РК [ИЯЛИ: АФ 1542-29]), в корильной песне [невеста] *„Будет ткаха и пряха, // И шелковица, и полушелковица, // Посадит пышки, // Вынет коврижки...”* (Зап. Ю.А. Крашенинникова 24.05.2004 г. от Лобановой А.И., 1923 г. р., с. Лойма Прилузского р-на РК [ИЯЛИ: АФ 1537-64]) и др.

¹⁸ Мы не можем говорить о стереотипии в области жестикуляции: на имеющихся в нашем распоряжении аудиозаписях подобные наблюдения сделать невозможно. Существование исполнительской стереотипии в области жестов и мимики при многократных исполнениях одного и того же текста на материале украинской фольклорной прозы отмечает А.Ю. Брицyna (А.Ю. Б р и ц ы н а, *Фиксации повторных исполнений...*, указ. соч., с. 46).

¹⁹ О разных группах стабилизаторов (К.В. Ч и с т о в, указ. соч., с. 133-134).

конкретного исполнителя. В качестве примера приведем фрагмент интервью 1990 года с В.Т. Поморцевым, в 1970-е годы принимавшим участие в свадьбах в качестве дружки, и его женой, Г.Г. Поморцевой, которая подсказывает В.Т. Поморцеву забытые им фрагменты:

Поморцев В.Т.:

...Мы, резвые дружки,
Идем от молодого князя
К молодой княгине,
Подарки несем красной ватой-фатой,
Бельми-бельми белое
И красно не мутное зеркальцо.

Забыл...

Поморцева Г.Г.: На печь-то ребят этих, стариков-то как-то... Как-то, он ведь много знал...

Сватюшка, невестина матушка,
Нет ли у вас старух старых,
Собак ярых, **стариков-еретиков**,
Петухов-клевунов,
Куриц-колдуний и старух-пердуний?
Убирайте старух старых **на печь**,
Собак ярых — на цепь,
А стариков-еретиков — в подполье,
Маленьких **ребят** — жопами на колье.

Забыл... [...]

Поморцева Г.Г.: Как-то вот эти еще есть. Как же. Вот уж не могли списать и не могли записать, дружку этого. Если вы наших будете обижать, мы не будем ваших, говорит, выпускать... Ну-ка, подумай.

Поморцев В.Т.:

Сват да сватюшка,
Невестина матушка,
Выпрягите наших коней,
Надавайте нашим коням
Сена, овса, пшеницы до грудицы.

Сват да сватюшка,
Невестина матушка,
Каково у нас будет,
Как будет у вас нашим,

Таково и у нас вашим (Зап. Ю.А. Крашенинникова 20.07.1990 г. от Поморцева В.Т., 1910 г. р., Поморцевой Г.Г., 1922 г. р., д. Акуловская Вилегодского р-на Архангельской обл. [Фольклорный архив Сыктывкарского гос. университета (далее СыктГУ): 0486-46])²⁰.

²⁰ Существенную роль опорных слов в построении вербального текста на материале текстов сказочной прозы отмечает А.Ю. Брицына, указывая, что крат-

В корпусе текстов последних лет встречаются записи, в содержательном плане напоминающие скорее „конспект” речи дружки, каждая реплика которого содержит значимые опорные слова и сочетания, позволяющие развернуть ее до отдельного текста. Последовательность строк в записи соответствует порядку следования приговоров в обряде. Приведем пример такой записи (текст дан курсивом) и возможные варианты „расширения” (в квадратных скобках), характерные для вилегодской локальной традиции:

Ехали-попоехали

По чистым лугам,

По зеленым полям.

Восподи Иисусе Христе, сыне боже нас и помилуй нас.

Выехали в чистой полё, → [сочетание „чистое поле” „сигнализирует” о возможной реализации мифологического сюжета „встреча свадебного поезда с чудесным помощником”].

Видим: стоит терем. → [далее следует двустрочное типизированное описание дома невесты „дом как город, изба как терем” или вопрос „тот ли дом, тот ли терем, где молодая кнегиня живет?”, предполагающий ответ представителя невесты].

Восподи Иисусе Христе, сыне боже нас и помилуй нас.

В этом высоком тереме живет кнезья. → [вопрос к представителю невесты о том, здорова ли она, и портретная характеристика жениха].

Восподи Иисусе Христе, сыне боже нас и помилуй нас.

Молодая кнезья, возьми от молодого князя подарки. → [процесс одаривания сопровождается текстами с мотивами „дружка просит предоставить дорожку к невесте”, „ищет невесту в доме”, „преподносит подарки”, „требуется одарочки”, также уничижительная характеристика дружки].

Восподи Иисусе Христе, сыне боже нас и помилуй нас (Зап. А.Н. Власов в 1987 г. от Суворовой М.А., 1905 г. р., д. Залесье Вилегодского р-на Архангельской обл. [СыктГУ: 0433-15]).

Характер и функции отличительных строк в повторных записях одного информанта различны. Некоторые из них выполняют функцию „связывания”²¹, благодаря чему повествование конкретизируется,

кий, сжатый вариант текста состоит из опорных слов, они подчеркиваются с помощью интонации, громкости, логического ударения (А.Ю. Брицкая, „Интенсивный опрос традиции” ..., указ. соч., с. 97-98).

²¹ По мнению А. Синявского, эта функция характерна для поэтического строя волшебной сказки. В сказке

каждая фраза заимствует из предыдущей какое-либо слово и воспроизводит его в новом повороте. На чем кончается один речевой период, то подхватывается в следующем речевом периоде...

(А. Синявский, *Иван-дурак. Очерк русской народной веры*, Москва 2001, с. 100-101).

детализируется, приобретает большую связность. В ряде случаев связующая строка отличается от поэтического текста своим ритмическим рисунком, в содержательном плане представляя собой квинтэссенцию пропущенного фрагмента, однако такие строки напоминают скорее комментарий к тексту, а не „замену“ забытого фрагмента. Часть отличительных строк – этикетного характера, появление их в записи подчинено порядку ритуальных действий и связано с различиями поэтического текста и текста ритуала (информант помнит последовательность этапов обряда, но забыл некоторые из соответствующих им приговоров, и заменяет их лапидарным пересказом). Еще одна функция отличительных строк состоит в том, что они несут в себе дополнительную экспрессивную нагрузку для усиления или большей конкретизации имеющегося описания; появление их в большинстве случаев связано с личной манерой исполнителя и показывает степень его компетенции.

Принадлежность жанра мужскому чину свадьбы также влияет на содержание текстов. „Женские“ и „мужские“ записи различаются наличием / отсутствием инвектив и сниженной лексики, степенью композиционного варьирования и жанровой диффузии. Мужчины при декламировании приговоров придерживаются схемы обряда и соотносят с ней известные им тексты, учитывают порядок следования ритуальных актов. Этим можно объяснить большую логичность „мужских“ записей. Женщины, напротив, свою главную задачу видят в том, чтобы произнести тексты, которые помнят. Показательна в этом отношении реплика одной из вилегодских информантов, учившей тексты в необрядовой ситуации, не наблюдавшей их в реальном исполнении и в одном из интервью прокомментировавшей „нестандартную“ последовательность приговоров: „Это [о фрагменте текста – Ю. К.] сначала бы надо, там *розоставите сами...*“ (Зап. Ю.А. Крашенинникова 5.07.1996 г. от Тропниковой Н.П., 1932 г. р., д. Закурье Вилегодского р-на Архангельской обл. [ИЯЛИ: АФ 1705–10]), апеллируя тем самым к компетенции собирателя, ранее слышавшего текст от нее же.

У мужчин-исполнителей наблюдается стремление к употреблению „сексуальных лексем с прямым называнием“²², обценной лексики. Напротив, женщины стараются не озвучивать тексты с сексуальной тематикой, однако если это происходит, то такого рода лексика из текста по возможности исключается²³.

²² В.В. В а р г а н о в а, *Сексуальное в свадебном обряде*, [в:] *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, Москва 1995, с. 154.

²³ Ср. напр., варианты „байки про табачок“ из репертуара вилегодского дружка П.М. Тропникова в „женском“ (зап. 1996 г. от Н.П. Тропниковой, 1932 г. р.) и „муж-

Как мы уже говорили выше, специфика функционирования жанра состоит в том, что в обряде „повествование в приговоре сопряжено с обыгрыванием действием”²⁴. В необрядовой ситуации на просьбу собирателя показать, как дружка произносил приговоры по ходу движения обряда (т. е. совместить действия и исполнение), исполнители зачастую отвечали отказом.

Мысль П.Г. Богатырева о том, что содержание текстов зависит от условий исполнения²⁵, в числе которых обрядовая или необрядовая ситуация, очевидна на материале приговоров-диалогов, которые произносились у закрытых дверей дома невесты. В ритуале этот акт представлял наиболее „открытое” действие с точки зрения применения „неподготовленной импровизации”²⁶, поскольку требовал активного участия представителей обеих сторон²⁷. Записи XIX – нач. XX в. пока-

ском” (зап. 2006 г. от А.М. Тропникова, 1937 г. р.) исполнении: „[Богач] удивляется, где бедняк денег отживает? Не мою ли он дочку... [пауза. Понизив голос, объясняет причину]. Тут матюг [пауза. Продолжает] Не она ли ему на табак денёг дает? Табак хинь, табак корень, табак никуда не годен” (Зап. Ю.А. Крашенинникова 5.07.1996 г. от Тропниковой Н.П., 1932 г. р., д. Закурье Вилегодского р-на Архангельской обл. [ИЯЛИ: АФ 1705-6]); „[Простачок] садився на скачок, закуривал табачок, Богу травку Христов корешок. Бога вспоминал, Христа величал, богату богатину проклинал. Богату богатину с чаем и медом, и мать ее е..м. Богатый удивляется, откуда бедняк деньгами отживает. Не мою ли он дочку е..т, не она ли ему на табак денёг дает? Табак хин, табак корень, табак ни в п...у не годен. Слушайте, послушайте, молодых баб на улицы не отпушайте. Вы будете отпушать, мы будем подчищать” (Зап. Ю.А. Крашенинникова 14.08.2006 г. от Тропникова А.М., 1937 г. р., д. Фоминская Вилегодского р-на Архангельской обл.). Любопытный комментарий, характеризующий манеру исполнения женщинами приговоров с обсценной лексикой, мы обнаружили в полевых дневниках сотрудников Российского этнографического музея: фрагмент текста („Есть ли у вас курочки кладливые, есть ли у вас девочки гребливые...”) сопровождался следующей репликой собирателя: „Далее информатор молитвы (приговор – Ю. К.) не помнит, но говорит, что она перемежается «матерными словами» и весь ее смысл неприличней. Слово «гребливые» она даже не смогла выговорить вслух, а написала на бумаге” (Архив Российского этнографического музея. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 57 об.). О предпочтениях в использовании мужчинами и женщинами инвектив „разной крепости” см.: В.И. Ж е л ь в и с, *Инвектива: мужское и женское предпочтения*, [в:] *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*, Санкт-Петербург 1991, с. 266–283.

²⁴ А.В. Т о р о в а, *К вопросу о жанровой классификации свадебного фольклора*, [в:] *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор*, Ленинград 1974, с. 157.

²⁵ П.Г. Б о г а т ы р е в, *Традиция и импровизация в народном творчестве*, [в:] его же, *Вопросы теории народного искусства*, Москва 1971, с. 397.

²⁶ Там же, с. 399.

²⁷ Несмотря на то, что многие собиратели отмечают факт существования „списков” с готовыми вопросами и ответами, которые обязательно должны были

зывают, что эти диалоги характеризуются включением в них текстов или сюжетов самых разных жанров, отсылающих к различным областям традиционной культуры и повседневной жизни (отсылки к духовному стиху *Голубиная книга*, волшебной сказке, заговорам, к историческим, культурным фактам местной истории, позволяющим проверить „включенность“ прибывших в повседневную жизнь коллектива и пр.)²⁸. Вилегодские материалы последней трети XX в., напротив, демонстрируют стремление подобных диалогов к жесткой форме, отсутствие импровизации.

В этом контексте вряд ли есть смысл говорить, что жанр в необрядовой ситуации сохраняет такую специфическую черту, как „нарочитая установка на импровизацию“²⁹. Современные записи приговоров, сделанные вне обряда, не обнаруживают „достаточную свободу воплощения при каждом новом исполнении“³⁰, демонстрируют малую степень импровизации при произнесении и почти полное отсутствие процесса „усовершенствования традиционного текста“³¹. Об этом процессе и возможных его последствиях достаточно четко высказывался П.Г. Богатырев:

При каждом исполнении традиционной, известной слушателям сказки, песни, пьесы и т. п. исполнителю необходимо вносить импровизацию, чтобы известная коллективу песня или сказка звучала по-новому. Ведь если бы во все виды народного искусства не вносилось импровизации, традиция

быть озвучены представителями стороны жениха и невесты. Исследователи свадьбы коми отмечали непредсказуемость вопросов словесного поединка дружки и представителя невесты: „бойкий“ человек со стороны невесты, знающий „и молитвы и новое право — чтобы не могли поставить в тупик“, кроме традиционных вопросов, связанных с называнием имени, уточнением веры и цели визита поезжан, задает дружке вопросы, позволяющие проверить его наблюдательность и „включенность“ в повседневную жизнь деревенского социума, знание незначительных фактов из „жизни“ конкретного населенного пункта: „какая власть теперь, кто за старшего, т. е. кто правит. («Некоторые даже спрашивают, сколько окон в магазине хлебопродуктов»)” (Ф.В. Пл е с о в с к и й, *Свадьба народа коми*, Сыктывкар 1968, с. 60).

²⁸ Ю.А. Крашенинникова, *Свадебный диалог [у закрытых дверей]: логика построения текста (на примере нижевычегодских записей)*, [в:] *Рябинские чтения — 2003. Материалы международной научной конференции*, Петрозаводск 2003, с. 54–57; В.А. Лапина, *Русский дружка — пайтаа на венской свадьбе (к проблеме фольклорного двуязычия)*, [в:] *История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов*, Сыктывкар 2005, с. 270.

²⁹ К.В. Чистов, указ. соч., с. 132.

³⁰ А.Ю. Брицына, „Интенсивный опрос традиции“ ..., указ. соч., с. 95.

³¹ З.И. Власова, *Скоморохи и фольклор*, Санкт-Петербург 2001, с. 458.

стала бы штампом. Производство механизировалось бы, потеряло бы одну из своих основных функций — воздействие на слушателей — и постепенно должно было бы исчезнуть из фольклорного репертуара³².

Укажем и на некоторые различия в манере произнесения текстов. Оставляя без внимания индивидуальные и личностные особенности, отметим, что информанты, принимавшие участие в ритуале в качестве дружек или наблюдавшие исполнение приговоров в обряде, произносят тексты более эмоционально, что, на наш взгляд, обусловлено знанием или знакомством с традиционной техникой и желанием более точно передать „реальное” звучание приговоров. Декламация этих исполнителей ритмически и интонационно выдержано: регулярны интонационные повышения в начале строфы (как правило, интонационный подъем приходится на строку с молитвенным обращением, которое является иншипитной формулой) и понижения интонации к концу фразы, подкрепляемые конечной паузой; темп произнесения отличается от обыденной речи информанта (более быстрый). Количество комментариев минимально, они, как правило, лаконичны. Напротив, информанты, усвоившие или слышавшие приговоры в необрядовой ситуации, воспроизводят известный им материал менее эмоционально, интонационное варьирование минимально, темп произнесения приближен к обыденной речи, запись дисперсна, перемежается комментариями, некоторые из которых представляют собой пересказ поэтических текстов.

Таким образом, предпринятый экспериментальный анализ повторных записей приговоров свадебных дружек разных лет позволяет уточнить некоторые устоявшиеся положения, касающиеся специфических показателей жанра, особенностей исполнения приговоров в обряде и вне его, говорить о разработанной в народной традиции методике воспроизведения подобных текстов, и видится весьма плодотворным при изучении „поведения” обрядовых жанров в необрядовой ситуации.

Библиография

- А л е к с е е в с к и й М.Д., *Проблемы фиксации похоронно-поминальной плачевой традиции (К.В. Чистов и вопрос об аутентичности записей причитаний)*, [в:] *Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. Сборник научных статей*, Санкт-Петербург 2011, с. 243–250.
- Б а й б у р и н А.К., *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*, Санкт-Петербург 1993.

³² П.Г. Богатырев, *Традиция и импровизация в народном творчестве*, [в:] *VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук*, Москва 1964, с. 7; цит. по: З.И. Власова, указ. соч., с. 458.

- Б о г а т ы р е в П.Г., *Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений*, [в:] его же, *Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)*, Москва 2006, с. 218–228.
- Б о г а т ы р е в П.Г., *Традиция и импровизация в народном творчестве*, [в:] VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, Москва 1964, с. 7.
- Б о г а т ы р е в П.Г., *Традиция и импровизация в народном творчестве*, [в:] его же, *Вопросы теории народного искусства*, Москва 1971, с. 397.
- Б р и ц ы н а А.Ю., *„Интенсивный опрос традиции“ и некоторые аспекты текстологии прозаических нарративов*, [в:] *Этнопоэтика и традиция. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака*, Москва 2004, с. 93–104;
- Б р и ц ы н а А.Ю., *Фиксации повторных исполнений и некоторые аспекты теории традиции*, [в:] *Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов*, т. II, Москва 2006, с. 42–52.
- Б р і ц и н а О.Ю., *Українська усна традиційна проза: питання текстології та виконавства*, Київ 2006.
- В а р г а н о в а В.В., *Сексуальное в свадебном обряде*, [в:] *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, Москва 1995, с. 154.
- В л а с о в а З.И., *Скоморохи и фольклор*, Санкт-Петербург 2001.
- Г а ц а к В.М., *Устная эпическая традиция во времени*, Москва 1989.
- Ж е л ь в и с В.И., *Инвектива: мужское и женское предпочтения*, [в:] *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*, Санкт-Петербург 1991, с. 266–283.
- З е л е н и н Д.К., *Свадебные приговоры Вятской губернии*, Вятка 1904.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *„Адская газета“ в русских свадебных приговорах*, [в:] *Rosja w dialogu kultur*, red. В. Żejmo, t. 2, Wydaw. Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, Toruń 2015, с. 469–480..
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Дружка в севернорусской свадьбе: о некоторых условиях выбора и атрибутах*, „Народна творчість та етнографія“ 2007, № 2, с. 30–37.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Литературные и лубочные произведения в текстах русского свадебного обряда*, [в:] *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции*, Москва 2013, с. 247–260.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры – заговоры)*, „Традиционная культура: научный альманах“ 2009, № 1, с. 29–39.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек „на свадебное дерево“)*, „Традиционная культура: научный альманах“ 2015, № 3, с. 149–163.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Свадебный диалог [у закрытых дверей]: логика построения текста (на примере нижевычегодских записей)*, [в:] *Рябининские чтения — 2003. Материалы международной научной конференции*, Петрозаводск 2003, с. 54–57.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Свадебные приговоры в свете народной терминологии*, „Традиционная культура: научный альманах“ 2011, № 3, с. 70–80.
- К р а ш е н и н н и к о в а Ю.А., *Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии)*, [в:] *От Конгресса к Конгрессу*

- су. *Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов*, т. 1, Москва 2010, с. 195–208.
- Крашенинникова Ю.А., *Устные рассказы о заблудившихся в лесу в свете работы П.Г. Богатырева „Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений“ (на материалах нач. XXI в.)*, [в:] *Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов*, Москва 2015, с. 199–210.
- Лапин В.А., *Русский дружка – paitaa на венской свадьбе (к проблеме фольклорного двуязычия)*, [в:] *История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов*, Сыктывкар 2005, с. 270.
- Левинтон Г.А., *Замечания о жанровом пространстве русского фольклора*, [в:] *Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой*, Санкт-Петербург 1998, с. 65–66.
- Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов*, т. II, Москва 2006.
- Плесовский Ф.В., *Свадьба народа коми*, Сыктывкар 1968.
- Плюханова М.Б., *Проблема пародийности рифмы*, [в:] *Тыняновский сборник: вторые Тыняновские чтения*, Рига 1986, с. 251–252.
- Rosja w dialogu kultur*, red. B. Żejmo, t. 2, Wydaw. Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, Toruń 2015.
- Синявский А., *Иван-дурак. Очерк русской народной веры*, Москва 2001.
- Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой*, Санкт-Петербург 1998.
- Торопова А.В., *К вопросу о жанровой классификации свадебного фольклора*, [в:] *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор*, Ленинград 1974, с. 157.
- Чистов К.В., *Вариативность как проблема теории фольклора*, [в:] *его же, Народные традиции и фольклор. Очерки теории*, Ленинград 1986, с. 132.

Сокращения

Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН	–	ИЯЛИ
Фольклорный архив Сыктывкарского гос. университета	–	СыктГУ